

ОТРАЖЕНИ-Я

АВТОПОРТРЕТ

Она меняла страны, как декорации и оставалась собой в каждой из них, не меняя ничего в своём образе жизни. Она создавала его годами, аккуратно дорисовывая каждую чёрточку на нестареющем лице. Иногда она пользовалась макияжем, но так, чтобы этого никто не замечал. Иногда макияжа было слишком много — и она была вынуждена выходить в свет, чтобы оправдать свою страсть к яркому стилю жизни. Ибо она творила себя каждую минуту, никогда не оставаясь удовлетворенной до конца, но и не зависая на своем недовольстве.

Она была независима, как воздух и... обусловлена всем — начиная с воздуха, которым она дышала и кончая окружающими её людьми, от которых зависело её минутное настроение. Её жизнь зависела также от множества мелочей: зелёного чая, который она церемониально пила каждое утро, письма, полученного накануне и утверждающего необходимость её жизни для кого-то далёкого, взгляда, брошенного прохожим, и её ответного взгляда. Она могла носиться с этим взглядом целые сутки. Он мог согреть или охладить настолько, что спать она ложилась с ознобом. Особенно в те вечера, когда её не касалась любящая рука, спасающая от переохлаждения.

Она была бесконечно благодарна миру за то, что он её любит и так долго выдерживает: сама она считала себя бесполезной и мучилась от мнимой непригодности. Особенно если попадала в незнакомое место, где её особенно настойчиво посещали приступы забвения. В такие минуты она не могла найти стимулов для того, чтобы жить дальше, готовить пищу, наслаждаться ароматом последнего цветка в доме, который стойко держался в течение целой недели, несмотря на её мрачное настроение — и, наконец, сдавался.

Ей не хватало солнца даже летом, и поэтому она часто согревалась письмами тех, кто любил её больше солнца. Читая их, она всегда улыбалась навстречу теплу, которое они несли, и окуналась в него — дневное, светлое. Сама она умела загорать лишь под луной и наутро просыпалась тёмной от прожитых за ночь кошмаров. Она забывала их раньше, чем успевала

анализировать. Хотя размышления были её слабостью. Она тратила на них большую часть своей жизни, иногда застывая, как вкопанная посреди белого дня и опаздывая на свидания из-за одной единственной мысли, которая держала её привязанной к дому. Или, например, во время бессонницы, нанизывая ариаднину нить в лабиринте бесконечных размышлений, не приносящих ничего, кроме утренней апатии.

Поэтому она нуждалась в декорациях. Вначале она думала, что ей поможет сцена. И она выходила на неё, чтобы поразить случайного зрителя своими новыми лицами, поскольку даже на сцене она играла себя. Но со временем сцена стала узкой для её фантазий. И она расширила свое пространство до размера городов. Она всегда заходила романы в другом городе, чтобы влюбиться не только в мужчину, но и в окружающее его пространство. А когда интересные города исчерпались, она стала мыслить странами. Чтобы окончательно поменять образ жизни, и всю сценографию, которая начинала тяготить её узко национальными рамками, она перебралась во Францию. Новый муж стал для неё стимулом к познанию чужого языка и культуры, которая просачивалась в неё так медленно, что успевала оставлять только мокрые следы под глазами. Она плакала чаще, чем дождь за окном, но её грозы проносились быстрее.

Для окружающих она была стихийным бедствием, способным поменять их образ жизни: начиная от мелких привычек и оканчивая серьёзными мировоззренческими вопросами. Неверующих она обращала в веру, не будучи религиозной. Верующие переставали ходить в церковь и находили Бога в своём доме. Она могла стать домом для кого угодно, но этот кто-то часто не выдерживал своего одиночества и покидал свои, а точнее, её стены, возвращаясь к привычному образу жизни.

Она не участвовала в играх внешнего мира — не занималась собственной карьерой, не состояла в общественных организациях, и только иногда, заглянув в телевизор, сожалела, что не стала знаменитой. В такие минуты она хотела казаться хоть кем-то. Но этот кто-то должен был превышать в ней всё остальное, а она не могла ограничить себя одной профессией, даже если та обещала ей бурную славу и всенародную любовь, потому что была больше этой профессии. Она предпочитала менять свои Я, так что окончательно запутала мир, находящийся в ней поочередно актрису, певицу, композитора, поэта, писателя, филолога, художника, фотомодель и даже психотерапев-

та. Всему этому она предпочитала краткость, потому что в глубине души была немного банальна и, цитируя классику, называла её сестрой таланта, а себя — просто Богиней. Вернее, так называл её тот, кто открыл ей природу её настоящего существа, и этому человеку она оставалась благодарна до конца своей жизни. А конец всё не наступал, потому что она не верила в него. Дело в том, что размышления привели её к простому выводу: смерть — это самая большая ошибка, которую совершило человечество, и её можно избежать, если... Она ещё не открыла рецепта бессмертия, но твёрдо верила в то, что совершенная любовь изгоняет смерть или, по крайней мере, замещает её (при трагических стечениях обстоятельств).

Она училась любить каждый день. У домашней собаки, которую так радовали её возвращения домой, и у независимой кошки, безразличной к проявленной заботе, у цветка, срезанного с клумбы и смотрящего на неё с последней улыбкой из вазы, и божьей коровки, ползущей по её руке. Она училась любить у Бога, присутствие которого ощущала с каждым днём всё сильнее и у матерей, гуляющих со своими детьми во дворе. Она не мечтала о собственном ребёнке, и только сны говорили ей о том, что это возможно. Дети ей снились светящимися плодами на божественном древе посреди сада, и она была счастлива, понимая, что каждому плоду суждено раскрыться независимо от её участия. Она грустила о том, что ещё не подарила никому всё то богатство, которое накопила за годы, прожитые в бесконечных поисках, сменах городов, стран, людей и декораций и о том, что её опыт по большому счёту никому не пригодится, если у неё не будет продолжения. Как и вся её жизнь.

И даже этот маленький автопортрет казался ей выброшенным на ветер временем.

РЕКА

Эта женщина, которую ты убил, обнаружила себя на берегу реки. Я поднялась и оглянулась, чтобы посмотреть на неё. Она мне кого-то напомнила. Был тёплый день — может быть летний, потому что не было нужды в одежде, а может — первый день осени, потому что мысль об увядании уже носилась в воздухе. Но, возможно, эта мысль исходила от женщины. Я попыталась рассмотреть её, но вид неодушевленного тела не вдохновлял на долгое созерцание, и я сделала несколько шагов назад. Но тут же вспомнила о своей наготе: вдруг кто-нибудь живой попадетя по дороге, привыкшей к одетым людям? Тот, кто встречает по одежке, а провожает — по своему уму? Я вернулась, подошла к телу и сняла с него одежды. Когда я это делала, я не чувствовала ни брезгливости, ни страха, ни стыда. Как будто совершала привычные действия. Вещи оказались мне в пору — короткое платье, напоминающее тунику и сандалии из тонкой кожи. Почувствовав себя уверенней, я снова отступила на несколько шагов. Но потом не выдержала и обернулась: как никак я оставляла её совсем беззащитной — под взглядами окружающей среды, и с её телом могло произойти всё, что угодно. Я снова подошла к ней и всмотрелась. Она лежала, как живая — у неё было красивое тело, она явно умерла не от болезни. Но и следов насилия я не обнаружила. Наверное, так добровольно отказываются от жизни: просто ложатся на открытом берегу и подставляют лицо небу. А когда оно отвечает да, закрывают глаза. Спокойно, без слез и сожалений, без воспоминаний и несбывшихся надежд. Внезапно, мне подумалось: а вдруг она только уснула? При летаргическом сне люди тоже выглядят как мертвые. А я раздеваю её, вместо того чтобы отнести в безопасное место и дожидаться пробуждения. Я посмотрела на неё внимательней — она опять показалась мне знакомой. Наверное, она не зря попалась мне на глаза: возможно, это проверка на отзывчивость, возможно,

ей нужна помощь... Я оглянулась — берег был пустынным и тихим. Мне даже показалось, что кроме нас никого в мире нет. Это был наш собственный мир: мой и этой женщины. Я взяла её на руки — она оказалась очень легкой, почти невесомой — и я подумала: наверное, столько весит душа, притворившаяся телом. Хотя, притворство — что оно может означать? Притвор — часть церкви за папертью? Первые шаги по направлению к Нему, когда тыходишь в один из Его домов, и дверь за тобой закрывается, а ты всё ещё стоишь в темноте и притворяешься, что уже у цели? Или притворство — это то, что находится при творении — некий придаток творения, при нем находящийся, примостившийся, но не обязательный? И так ли обязательно нести это тело? Может, оно — тоже чье-то притворство, видимость, оболочка, внутри которой — пустота? Иначе, почему оно почти невесомо? И куда я могу его поместить? Я ощутила острую необходимость в совете. Всё равно — в чьем, только бы он дал мне импульс для деяния.

Я оторвала взгляд от тела — и увидела тебя. Ты шёл навстречу — ты был единственным третьим на этом берегу.

— Помощь нужна? — спросил по-деловому.

— Да, подскажи, что мне делать с убитой тобой женщиной?

— Мной?! — ты казался искренне удивлённым. — А почему ты решила, что это я её убил?

— Потому что кроме тебя на этом берегу никого нет.

— Но... Но я её даже не знаю!

— Чтобы убить, не обязательно знать.

— Тогда... хотя бы помнить...

— Убивают для того, чтобы забыть.

— Послушай, даже если ты подозреваешь меня... это, конечно, твоё право... но посмотри: на ней ведь нет следов насилия!

— Чтобы убить, достаточно слова.

— Ладно, не хочу с тобой спорить. Я только предложил помощь.

— Помоги себе — и ты поможешь мне.

— Говори внятней. Что ты ждешь от меня?

— Деяния.

Ты некоторое время молчишь, чтобы убедиться в том, правильно ли меня понял:

— Я не смогу одушевить то, что умерло.

— Сможешь, если захочешь вдохнуть в неё жизнь.

— Предположим, я уже хочу. Каким образом я могу это сделать?

— Стань Им.

— С тобой ни о чём не договоришься. Я пошёл.

Ты повернулся и зашагал обратно — в ту сторону, откуда пришли мы — я и её тело. Через несколько секунд ты обернулся:

— Тебе не тяжело?

— Нет.

— Я бы мог её понести.

— Спасибо, не стоит.

— Может, набросить на неё что-нибудь?

— Зачем?

— Ну, как-то неудобно...

— Что именно?

— Что-нибудь из твоих одежд...

— Они не мои.

— А чьи?

— Её. Разве ты не помнишь?

— Откуда мне знать, что она носила? — снова раздражился ты. — Я что, должен обращать внимание на тряпки?

— Мне кажется, это не сложно — запомнить одежду своей жертвы.

— Ты — сумасшедшая!

— Хорошо, что не убийца! — выпалила я вдогонку.

Вскоре ты пропал из виду. Начинало смеркаться — солнце наваливалось на море своим оранжевым телом и медленно погружалось в него. Я устала идти с ней вот так — на вытянутых руках, да ещё и в неизвестном направлении, и опустилась на тёплый песок, положив её тело рядом с собой. Мне показалось, оно замерзло — и я обняла его. Но оно так и осталось холодным — наверное, объятия было недостаточно, чтобы его согреть. И тогда я накрыла его своим телом: просто совпала с ним от макушки до пят.

Утром я проснулась одна. Она исчезла. Наверное, ты всё-таки вернулся и забрал её, чтобы вернуть меня одиночеству, а потом замёл за собой следы — песок вокруг был гладким, как после ночного прилива, смывшего и тело и следы преступления... На всякий случай, я внимательно осмотрела себя. Мне показалось, я потяжелела на несколько грамм.

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ

Она никак не могла понять, откуда пришла эта ошеломляющая новость. Она помнила момент, когда её разбудил звонок и она автоматически поднесла трубку к уху, сонным голосом произнося да. Ещё помнила чувство раздражения, с которым она поднимала трубку: впервые забыть отключить телефон на ночь — и, как назло, быть разбуженной в такую рань. Рассвет только задумывал свое начало, комната качалась в зашторенном полусне и, услышав голос в трубке, она поплыла вместе с комнатой, став её сновидением.

Но голос она помнила чётко. И то, что произнёс этот голос: *С сегодняшнего дня ты помолодеешь на десять лет.*

Она закрыла глаза и повторила только что услышанную фразу. И пока исчезал голос, всё повторяла и повторяла её, как мантру, лишённую логического смысла. Вскоре эта фраза растаяла в воздухе, телефонная трубка растаяла вместе с ней — и вездесущий сон, как всегда, заполнил собой всё.

Проснувшись, она тут же вспомнила о звонке. Вот и прекрасно, — сказала она себе, — молодость всегда лучше старости. Сказала, но к зеркалу не подошла. Приму душ, выпью чашку традиционной бодрости и тогда осмелюсь взглянуть реально в лицо, — она придумывала массу предлогов, продолжая старательно избегать зеркала.

Звонил телефон, напоминая о том, что пора выходить за пределы квартиры. А это означало, что наступало время легкого макияжа: традиционных серых теней и прозрачной помады. А последнее, в свою очередь, значило, что не миновать ей зеркала. Но она всё же нашла выход. Он представлял собой маленькое зеркальце, в которое мог поместиться только один глаз. Всё-таки — не всё лицо. По глазу тяжело определить возраст. Опыт — может быть. Но не возраст. Трусиха, — тут же обругала она себя, — даже если ночной голос соврал, почему бы тебе не посмотреть на свое настоящее лицо и не удостовериться в обмане, раз и навсегда выбросив этот голос из головы?

Но так уж она была устроена, что сразу несколько голосов звучали в ней, и отдать предпочтение только одному было равносильно выбору. А выбирать она не любила. Она любила стоять на раздорожьи и с многозначительным видом перечитывать поток условных предложений, начертанных на виртуальном камне: направо пойдёшь ... найдёшь, налево пойдёшь... найдёшь, а прямо пойдёшь... Она не помнила ни одну из перспектив, её прельщала сама возможность.

Итак, она выходила на улицу, впервые в жизни не взглянув на себя в зеркало. Такая выходка могла показаться крайней степенью самоуверенности, если бы не была продиктована совершенно иной причиной. Впрочем, одевалась она гораздо тщательнее обычного, как будто желая компенсировать возможные недостатки на лице. Она зачем-то выбрала вещи десятилетней давности, от которых своевременно не избавилась, то ли потому что они были из тех, что прирастали на всю жизнь, как всё любимое, то ли потому что они снова вошли в моду и смотрелись как новенькие. Спотыкаясь о взгляды незнакомых людей, она с удовольствием отмечала в них оттенки заинтересованности. Значит, что-то в ней всё-таки изменилось. Первый знакомый, которого она встретила, зайдя в редакцию, подтвердил её надежду:

— Леночка, неужели ты?

— А кто же ещё?

— Я тебя не узнал. По какому случаю ты так потрясающе выглядишь?

Она воспользовалась первой подвернувшейся фразой:

— По случаю нашей с тобой встречи.

— Так может, в кафе — и... отметим? — он подмигнул.

Ей захотелось отвернуться при виде привычной гримасы, которую он употреблял на все случаи жизни, но вежливость победила:

— Извини, шеф просил отредактировать последние материалы.

— А... Жаль... Но выглядишь ты... Эх, нельзя же быть такой красивой! Не успела ещё весна наступить, а девушки уже расцветают. Эх... — ещё раз вздохнул безымянный сотрудник, имя которого она, конечно, забыла.

— Не расстраивайся, — искренне подбодрила она.

— А ты не забывай.

Когда она выходила из редакции, начался дождь. О зонтике она не позаботилась и поэтому приготовилась к стремительному старту. Но внезапно над головой навис чей-то услужливый зонт:

— Разрешите? — Незнакомый мужчина выжидающе смотрел на неё сверху вниз. — Разрешите вас проводить до ближайшего навеса?

— А где ближайший навес? — спросила она ему в тон.

— А вот, например, — он указал на маленькое кафе через дорогу, которое дружелюбно подмигивало своими радужными витражными окнами.

— Неужели я так легкомысленно выгляжу, что меня может запросто пригласить незнакомый мужчина?

— Скорее, вы выглядите незащищенной. Как будто вышли в этот мир, не зная его правил — и теперь изучаете их, делая первые шаги.

Услышав ещё одно доказательство в пользу фантастической надежды, она шагнула под дождь — и зонтик шагнул вместе с ней. Она сделала ещё один шаг — и тот, кто был рядом, отзеркалил её движение. Она засмеялась весело и легко. Ну и ладно, пусть будет, как будет. Ещё вчера вечером она сидела дома и чувствовала себя такой одинокой, как будто всю жизнь прожила наедине с собой. А ведь муж оставил её всего пару месяцев назад, умоляя последовать за ним в тот убогий город, где он нашёл, как он считал, дело, достойное его. Она шла и вспоминала невеселую сцену прощания, забыв о настоящем, о том, куда и с кем она идет...

— Пришли, — прервал мрачные мысли зонтик и куда-то исчез.

А она мгновенно вернулась в реальность и вместо зонтика увидела вполне симпатичного мужчину, на которого было бы приятно просто смотреть, на тот случай, если беседа покажется малосодержательной. Она вспомнила, что не сказала ему нет, и он вполне мог рассчитывать на её общество. Потом она вспомнила предыдущую встречу с безымянным сотрудником, потом утро, в котором отсутствовала единственная деталь — зеркало. Боже мой, как же я, наверное, выгляжу... Она на всякий случай заглянула в его глаза.

— Вы очаровательны, — прочитал он мелькнувшее сомнение.

— Спасибо.

— Вы любите французский макияж?
— В каком смысле?
— Макияж, который не виден на лице.
— Нет, я вообще редко пользуюсь макияжем.
— Ах да, в вашем возрасте и с вашими данными это было бы странно...

Она улыбнулась. Ещё вчера она прогоняла от себя навязчивые мысли о неизбежном в её возрасте одиночестве. Встретить свою судьбу во второй половине жизни — а она думала, что проживает именно вторую половину — означало сподобиться чуду. Она была в этом уверена, и никакие романы и фильмы, полные неожиданных поворотов судьбы, не могли внушить ей обратное.

Они сели за прозрачный столик.

— Можно я угадаю ваше имя? Сколько у меня попыток?
— Ни одной. Меня зовут Елена. А вас?
— Конечно — Парис. Шучу, не пугайтесь, меня зовут Петр. Тот, который трижды отрекался.

— Что за страсть к литературным именам?

— Я был когда-то преподавателем. Долгое время жил цитатами. И верил в то, что моё существование вполне реально. Пока моя жизнь не превратилась в сплошную цитату. Словом, я потерял себя. Тогда я и решил проснуться — и тут же попал в настоящую реальность.

— А вы уверены, что вы действительно попали в реальность, а не в новый сон?

— Да, я получил множество подтверждений тому, что я действительно существую. И существую довольно неплохо. А почему вы спрашиваете?

— Так, сегодня утром мне показалось, что я не совсем проснулась... Скорее, попала в новый сон. А сейчас мне кажется, что этот сон больше похож на реальность...

— А вы, наверно, где-то учитесь...

Она еле удержалась от смеха. Последний раз она была студенткой больше десяти лет назад. Она мгновенно вспомнила это состояние легкости и ликования, свободы и её безграничных возможностей, которые открывались, как только она выходила на улицу, оставляя книги с раскрытыми страницами дома. Выходила, чтобы познать мир через запахи, звуки и краски и удивиться неожиданным подаркам встреч с теми, кто кажутся другими не потому, что читают другие книги.

— ...и представьте — на филологическом факультете.

— О, тогда нам есть о чем поговорить! — он по-настоящему обрадовался.

— Можно даже сказать, у нас есть общие цитаты.

И они цитировали. И просто болтали. Так долго, что в кафе зажглись вечерние огоньки, а услужливый официант поставил между ними светящуюся плошку, ароматизированную таким знакомым запахом...

Домой она возвращалась в темноте при полном отсутствии дождя, но под тем же огромным зонтиком, ставшим предлогом для того, чтобы предложить руку женщине, совсем недавно спросившей: Неужели я так легкомысленно выгляжу? Когда они простились и дверь захлопнулась, она взбежала по лестнице, не дожидаясь медлительного лифта, и стремительно открыла двери. Не зажигая света, она подошла к зеркалу в коридоре и в полной темноте разглядела лицо молодой девушки, в которую превратилась... После утреннего звонка или удивительной встречи, приглашающей в следующий день.

ЛУЖА

Ты сидела в луже и рисовала круги на воде. А я просто проходила мимо. Ну, если честно — не совсем мимо. На самом деле, я шла к тебе, и готовилась к любым неожиданностям, но всё-таки не ожидала застать тебя в таком положении. И конечно первое, что пришло в мою незакомплексованную раздумьями голову — это предложить руку помощи.

— Не надо, — ты элегантно жестом отстранила мою руку, — вначале я должна понять, почему я здесь оказалась.

— А действительно: почему? — мне искренне хотелось узнать, как аккуратно одетая, можно сказать, не склонная к божествованию женщина, могла выбрать столь неподходящее место для приземления.

— А тебе действительно интересно? — спросила ты как будто обиженно, давая понять, что и я некоторым образом причастна к сложившейся ситуации.

— Ну да, — наверное, не совсем уверенно произнесла я — и спохватилась, а ты тут же опустила лицо и вернулась к своему занятию.

Я терпеливо стояла над твоей душой. Наконец ты смиловилась и выдала:

— И чего ты от меня ждешь?

— Объяснения, — с готовностью выпалила я.

— А у меня нет объяснения... Хочешь — сама объясняй.

— Да как же... — я немного растерялась.

— Ну, для начала опустишь немного, а то мне надоело смотреть на тебя снизу вверх. — Я присела на корточки.

— Значит, не хочешь ко мне? — сокрушенным голосом произнесла ты.

— Куда... к тебе? — я искренне не понимала.

— Куда-куда... В лужу!

— В лужу?

— Ну да! А ты думала, что дружить — это ходить по магазинам за новыми чистыми тряпками? Иногда и испачкаться можно ради друзей.

— Можно, конечно, — без особого энтузиазма согласилась я, продолжая сидеть на корточках.

— Ладно, — ты великодушно махнула рукой, — я тебя и такой люблю.

— Ну конечно, — облегченно вздохнула я, — у каждого человека свои недостатки... Я тебя тоже люблю такой, какая ты есть... — я остановилась, внезапно осознав всю комичность произнесенной фразы. — Даже если ты грязная, — продолжала я по наклонной, пока не увидела, как из твоих глаз вылезает по автомату, готовому разразиться пулеметной бранью.

Но ты промолчала. Опустила глаза и сосредоточилась на водяном рисунке. Я не знала, что делать. Ты начала первой:

— Как думаешь, можно утонуть в луже?

— В луже... Ну, если ты мошка или муравей, то наверное...

— Ты долго издеваться будешь? — ты была на грани ссоры — и во мне затеплилась надежда на то, что хотя бы желание стукнуть меня по голове послужит для тебя поводом, чтобы подняться. Я подождала — повод не появился. Ты продолжала сидеть.

— И что ты рисуешь? — поинтересовалась я в том же тоне.

— Ты что, ослепла совсем?

— Просто линзы сегодня забыла, — примирительным голосом сказала я, окончательно решив применять к тебе мягкую технику.

— Если ты друг, то можешь и без линз догадаться, — с какой-то детской уверенностью пробубнила ты.

Мне почему-то стало стыдно: моя подруга сидела в луже, а я не разделала с ней её пристрастия, да ещё и пыталась иронизировать.

— А знаешь, меня всегда вдохновлял образ Нарцисса, — попыталась я перевести ситуацию в литературную плоскость, надеясь разбудить в тебе вчерашнего эстета, обожающего чистые страницы, пахнущие типографской свежестью.

— Не вижу ничего общего, — отрезала ты.

— Ну как же, — решила я идти до победного, — он ведь тоже смотрел на свое отражение и наверное упивался своими чувствами...

— Упивался? — взревела ты, — ты думаешь: я не хочу выбраться из этой ситуации?

— Неужели хочешь?

— Конечно, хочу!

— Тогда вставай! Прямо сейчас.

— Что?

— *Встань и иди!* — я окончательно перешла на литературные аллюзии.

— Куда идти? Мне идти некуда! Ты что — не понимаешь? Пустота кругом.

— Как это некуда? А где ты раньше была? Иди домой. К мужу.

— Ой, только не надо давить на мораль, — поморщилась ты. — И потом... Не приду же я к нему в таком виде?

— А хотя бы и в таком. Любит — простит.

— Не надо мне его прощения.

— А что тебе надо?!

— Мне надо самой любить и чтобы другой любил меня со всеми потрохами. Даже с этой лужей.

— А, так вот для чего ты уселась в неё? Проверить на прочность любовь?

— Нет. Всё наоборот: уселась, потому что любви больше нет. И у меня нет сил дальше идти.

— Ладно. Нет сил — давай руку и опирайся на меня.

— Не хочу.

— Почему?

— Мне твоя жалость не нужна. К тому же, доведешь ты меня до дома, а потом — ищи ветра в поле?

— То есть?

— А потом исчезнешь...

— Да я итак уйду когда-нибудь...

— Не уйдешь. Не можешь же ты бросить друга в таком положении? Ты посмотри на меня: я же вся в грязи! Меня же полиция остановит!

— Ну и классно: остановит, отоспишься в тюрьме, а потом жизнь раем покажется.

— Не покажется. У меня теперь один путь: выйду из лужи — и попаду в болото. Это же квартал Марэ, по-французски «болото».

— Так, давай руку и пошли. Я тебя до болота точно не доведу.

— Не пойду. Пусть лучше полицейские забирают. Мне энергетический толчок нужен. И потом, я ещё не дорисовала...

— Что?

— Ты что, не понимаешь, что это всего лишь эскиз?

Я постаралась вложить в свой взгляд как можно больше уважения, наблюдая, как разводы на воде, которые ты не переставала производить, тщательно вращая тонкими пальцами, через мгновение обретали первоначальную невозмутимость.

— Как тебе, кстати, моя техника? — небрежно спросила ты.

— Оригинально, — выдавила я из себя.

— И мне нравится, — ты даже улыбнулась. — Все эти отражения, казалось бы — одно и то же, а столько нюансов... Да?

— Знаешь, — я подбирала слова — у меня что-то с воображением последнее время происходит: все иллюзии куда-то исчезли и я вижу предметы такими, какие они есть... — Я осеклась.

— Ладно, — ты снова, достаточно аккуратно, так, чтобы не залить меня каплями, махнула рукой, — хорошо хотя бы, что ты это понимаешь. А то другим делаешь замечания, а они даже не думают подкорректировать свое видение.

— Я обязательно подкорректирую, — пообещала я. — Вот уже к шестому офтальмологу записываюсь.

— И поторопись. А то мне тут недавно мысль о реке пришла.

— В каком... смысле?

— А в том, что если пойдет дождь и моя лужа в Сену превратится, придется прыгать.

— Да ладно тебе... Не пойдет дождь. Смотри, какое солнце! К тому же, ты только подумай: прыгнешь — наглотаешься гадости...

— Это правда, — мрачно перебила ты, почти уронив лицо в лужу, — микробы действительно могут оттолкнуть меня от решающего шага.

— Слушай, я сейчас за дочкой сбегаю в школу, покормлю, уложу и вернусь. Ладушки? Может тебе круасанчик по дороге купить или кофе, чтобы продержаться было легче?

— Ты что? — возмутилась ты. — У меня же бациллофобия! Где я тут руки помою?

— А я думала, у тебя лужа — и умывальник, и туалет, и картина...

— Уходи, — решительно произнесла ты, — от тебя сочувствия не дождешься.

Я повернулась и пошла, твердо решив навестить тебя вечером и придумать средство вытащить из этой неуместной лужи.

Через несколько часов я вернулась с чистыми вещами, но не застала ни тебя, ни лужи.

— Мне пришлось уйти, — ответила ты сонно на мой обеспокоенный звонок.

— Неужели бросила картину неоконченной? — почти возмутилась я.

— Да я бы не бросила, но солнце так палило, что к вечеру несколько капель осталось... А я не хочу расплыться на мелочёвку. Мне хотелось создать настоящее полотно. Понимаешь?

ЕЁ СОБАКА

Луиза Владимировна всю жизнь проработала школьным учителем, дожила до пенсии и, вместо того, чтобы вкусить прелестей свободной жизни, отчаянно загрустила. Редкие подруги предпочитали проводить время с внуками. Сын вошел в возраст, когда начинают привязываться к другой женщине. Муж отдалялся всё больше, часами закрываясь в своей комнате, решая кроссворды и попыхивая электронной сигаретой. Доходило до того, что когда ей хотелось поговорить с ним, она стучала в дверь, но услышав недовольное *Что случилось?* оставляла всякие попытки контакта. Как ни странно, идея почитать не приходила ей в голову. Ну, разве что заметку о здоровье. Она слишком много читала в течение своей жизни, и теперь никакая посторонняя информация не привлекала её внимания, будь то чтение беллетристики, психологии или научно-популярная статья. Телевизор раздражал её своей навязчивостью, а участие в социальных сетях казалось напрасной тратой времени. Её супруг не любил не только путешествовать, но и выбираться из дома дальше продуктового магазина. Путешествовать одной было страшно и неинтересно.

На самом деле, ей просто хотелось человеческого тепла. Хотелось, чтобы кто-то погладил по голове, шее, приласкал и даже... — почему бы и нет — напомнил о том, что она ещё привлекательная женщина, несмотря на возраст, намекнул на возможность близких отношений. Когда она пыталась за ужином завести разговор на эту тему, муж только посмеивался: *седина — в висок, бес — в ребро?* И оставлял неизменный холодный поцелуй на лбу, перед тем, как пожелать спокойной ночи. Стоит ли говорить о том, что они давно спали в разных комнатах?

Тогда-то она и начала мечтать о собаке. Её всю жизнь привлекали маленькие гладкошерстные той-терьеры и чихуахуа, весившие не больше двух-трех килограмм, которых можно носить на руках, не рискуя потом чистить одежду, покрытую шерстью. Но такие собаки стоили очень дорого, а на беспородную она не соглашалась и с завистью смотрела на

женщин, горделиво прогуливающих маленьких йоркских терьеров с кокетливым бантиком на макушке или аккуратно подстриженных карликовых пуделей. Реже она обращала внимание на карликовых пинчеров, мексиканских голых собак, такс и мопсов, казавшихся ей особенно неуклюжими.

Последнее время Луиза Владимировна страдала от смещения шейных позвонков и всеми доступными способами старалась помочь себе. В том числе и ошейником, который ей выписал ревматолог, предположив, что позвонки заклинивают какие-то нервы в голове. Процесс поиска лечения занимал почти всё свободное от хозяйства время и отвлекал её от внешнего мира, ставшего чем-то параллельным и никак не пересекающимся с её собственным. Она обошла многочисленных врачей — от отоларинголога до невропатолога, но они лишь уклончиво пожимали плечами, перенаправляя её к очередному специалисту. По большому счету ей помогали только тепловые процедуры и массаж. Единственный день в неделю, который она посвятила ему, казался ей настоящим выходом в свет. Она принимала горячий душ, который тут же разжимал спазмы, надевала лучшее белье и красивую одежду и, вооружившись ошейником, отправлялась в кабинет к массажисту. По дороге к ней всегда подбегали собаки, которые доброжелательно виляли хвостом и обнюхивали её. Как правило, все они были без ошейников.

Массажист был немолодым мужчиной приблизительно её возраста, который в отличие от неё, сохранял бодрость духа, крепкие руки и такие же мускулы. Когда он поворачивался к ней спиной, пациентка с удовольствием рассматривала безукоризненное сложение его тела. Свое тело она не то, чтобы не любила, но почему-то замечала только его недостатки: лишнюю складку на животе, новые морщины на лице и грудь, напоминающую уши спаниеля... Не зная, что на неё действует сильнее — здоровый вид массажиста или сам массаж, она вставала после массажа, полная сил и бодрости, вздыхала о том, что всё хорошее заканчивается и возвращалась к себе. По дороге настроение её заметно падало, ближе к дому голова снова начинала давить на шею, она доставала из сумки ошейник и покорно надевала его. И в этот момент, как правило, замечала слепую собаку на поводке, которая покорно плелась за хозяином. Каждый раз, возвращаясь от массажиста, она встре-

чалась с этой унылой парой — наверное, они тоже выходили гулять строго по расписанию. Хозяин был спокоен и терпелив. Во всяком случае, казался таким. И если собака отставала, невозмутимо ждал её. Луиза Владимировна вспоминала о своем муже, терпеливо сидящим за кроссвордами, и думала: неужели ей всю оставшуюся жизнь придется ходить в ошейнике на домашнем поводке? С этими грустными мыслями она добредала до дома, открывала дверь, меняла выходную одежду на халат и тапочки, направлялась в сторону мужниной комнаты, но увидев её закрытой, оставляла всякие попытки достучаться до его безразличия и, падая на диван, плакала. От безысходности. От тщетности прожитого дня. От привычки плакать.

Но на этот раз слезы не принесли облегчения. И тогда она разозлилась. На себя, свою беспомощность, на то, что так долго не может вылезти из этого проклятого ошейника. А потом неожиданно для себя зарычала, раздвигая плотно сжатые челюсти, напоминая лишённое свободы, загнанное в клетку дикое существо. Она рычала и рычала, забыв о своей женской природе, с каждой минутой всё больше обнаруживая в себе нечеловеческое, нечленораздельное, звериное. И вдруг увидела его — не маленького той-терьера, который жил с ней до замужества в молодости и умер от церебральной атаки, не перенеся того, что вся её любовь отныне принадлежала не ему, — она увидела огромного, ощерившего пасть Зверя. Он сидел в углу, полный страха, ненависти и безысходности и смотрел на неё исподлобья. Он был настолько реальным, что в ней не возникло ни на минуту сомнения в его существовании. В миске у него оставалось совсем мало воды и немного вчерашней подсохшей пищи. Ей стало жаль это неухоженное полуголодное существо, о существовании которого она ещё несколько минут назад не подозревала. Она явственно различила его *хочу есть* и, не задавая себе вопроса, на каком языке он говорил, осторожно встала, вышла на кухню и принесла остатки обеда, а потом налила ему свежей воды. Пес с жадностью набросился на еду, даже не понюхав её, потом принялся лакать воду, и несколько раз тыкался мордой то в одну, то во вторую миску. Успокоив голод, бросил благодарный взгляд на женщину и улегся на прежнее место.

Она вспомнила свои стихи — в молодости она писала стихи, которые никому не показывала, считая их недостойными внимания, — и прочитала их вслух... Своей собаке.

Это Зверь, заключенный в квартире, очнется во мне
И, готовясь к прыжку, не увидит достойной добычи.
Если это еда, то её можно взять на столе.
Если он... Он приходит таким же голодным и хищным.

Это Зверь, обернувшийся в дикое прошлое и
Разглядевший себя посреди естества и оскала
Хищных зарослей, загнанных лет, оберложенных зим
Или в центре пустот, восседающим тронно на скалах.

Ей стало торжественно и немного страшно от своих собственных строк, которые неожиданно ей понравились. Она немного подождала, но до собаки, по-видимому, не дошел смысл сказанного. Тогда она продолжила:

Все слова — лишь от страха очнуться однажды собой,
Обнаружив искусство рычать от заросшей обиды.
Это он по утрам поднимается, точно больной.
Это он возвращается к вечеру, точно убитый.

Собака ничем не выдала своей реакции, продолжая неподвижно переваривать только что съеденное. Тогда Луиза Владимировна обратилась к ней с предложением:

— Хочешь погулять? — Собака замерла — и она повторила свой вопрос. Та приподнялась, покорно подставила шею — и она надела на неё... Свой ошейник! Тот, что носила последние месяцы. Они прошлись по улицам, никуда не торопясь. Так же, как прогуливался хозяин со своим старым подслеповатым псом, которых она встречала раз в неделю по дороге к массажисту. Она вспомнила, что последние годы её зрение также резко ухудшилось. Её собака также покорно плелась за ней на поводке, без особого азарта справляя свои нужды. Они вернулись домой в полном молчании, и та снова улеглась на место, не проявляя ни малейшего желания продолжать контакт.

— Подожди, я сниму с тебя этот ошейник, — она протянула руки — и пес снова покорно подставил шею.

— Скажи, что ты хочешь? — Он непонимающе посмотрел на неё.

— А давай я тебя расчесу, — неожиданно предложила она. Собака насторожила уши, а она, не дожидаясь реакции, вынула из сумочки щетку, которую всегда носила с собой, но всегда забывала воспользоваться и стала аккуратно расчесы-

вать неухоженную шерсть, висевшую клоками. Собака довольно шурилась. А она, всё больше воодушевляясь, запускала в густую шерсть то руку, то щетку и присматриваясь всё больше, наконец поняла, что перед ней тибетский мастиф. Она вспомнила, что где-то читала о нем, как о выносливой, спокойной, добродушной и умной собаке, которая многие сотни лет сопровождает человека, являясь для него и трудолюбивым помощником, и смелым охранником, отличается независимым нравом и может чувствовать себя вполне самостоятельно и свободно.

— А хочешь без ошейника гулять? — неожиданно спросила она. — Собака удивленно посмотрела на хозяйку.

— Конечно, это возможно... — уверенно произнесла она, на ходу убеждаясь в собственных словах. — Со временем. Нужно немного потренироваться. И многому научиться. Например, чтобы ходить без ошейника, нужно не бояться... — Она осеклась, прислушиваясь к собственным словам. — Не бояться, что о тебе подумают, будто ты бездомный и заберут тебя... — Собака недовольно зарычала. — Не важно... А ещё ты должен научиться контролировать свою силу, чтобы она была доброй. Иначе твоя свобода может обернуться опасностью не только для других, но и для тебя самого.

Она слушала себя и удивлялась: такими простыми и легкими казались ей истины, которые она излагала вслух.

— Силу нужно контролировать, чтобы не бросаться на людей, которые кажутся тебе чужими и опасными. И тогда, со временем ты научишься замечать то хорошее, что есть в каждом из них. Как в цветах и травах, к которым ты принимаешься... — Луиза Владимировна осеклась: всю жизнь она требовала от учеников заучивания стихотворений о природе, а сама выходила из дому пару раз в неделю и то — только по необходимости. И, конечно, всегда торопилась, чтобы не опоздать к врачу, на массаж, к закрытию или открытию аптеки, почты или магазина, обеду или ужину, которых муж ожидал в привычные для него часы. Она попыталась вспомнить, когда в последний раз вдыхала аромат цветов — и не смогла. Зато она четко помнила черты хозяина и собаки, на которых обращала внимание чаще, чем на небо, деревья, клумбы... И вдруг осознала, что мир всегда предлагает красноречивые картинки, которые бросаются в глаза, как будто давая подсказки, чтобы показать отражения во встречных. Можно не замечать, отвер-

гать их, обижаться или воспринимать как варианты жизни. Хочешь это? А вот это? Слепую собаку на поводке, с хозяином, спокойно выгуливающим свою болезнь? Ты можешь выбрать эту картинку как вариант жизни...

— Нет, я не хочу! Я не хочу этой картинки!! НЕ ХО-ЧУ!!! — Она закричала так громко, что из соседней комнаты выбежал перепуганный муж. Он застыл на пороге и удивленно смотрел, как его жена продолжает кричать *Не хочу*, не веря своим ушам, поскольку никогда не слышал её крика. Она была тихой, очень тихой женщиной, никогда не повышающей голос... Во всяком, случае, в его присутствии. А потом, когда она перестала кричать и плакать, подошел поближе, прижал её голову к груди, и спросил:

— Ну что ты? Что случилось?

Она замерла от такого неожиданного жеста, боясь пошевелиться, пытаясь продлить состояние, похожее на блаженство, состояние, о котором давно забыла, как забывают о рассказанной в детстве сказке. И внезапно в страхе отступила, вспомнив о собаке, которую муж мог увидеть, но к счастью, не заметил...

— Ты сегодня без ошейника? — заботливо поинтересовался он. — Тебе лучше? — и он прикоснулся к её шее.

Она нащупала его руки, а потом свою шею и с удивлением обнаружила, что столько времени продержалась без помощи. Без защиты.

— Хочешь ужинать? — спросила она, вдруг смутившись.

— Не к спеху, но если готово...

— Не готово, — удивленно и даже как-то радостно произнесла она.

— Ну, если не готово...

На следующий день она вспоминала этот вечер. О том, как они стояли друг напротив друга. И как им было хорошо. Как не хотелось идти на кухню и готовить, и как он почувствовал её неохоту и ещё раз прижал к груди, но уже сильнее. И как давно угасшее вдруг вспыхнуло... *Скрещенья рук, скрещенья ног, судьбы скрещенья...* — всплывали из далекого прошлого строки Пастернака.

Утром она проснулась раньше обычного, но продолжала лежать с закрытыми глазами, внутренне улыбаясь при воспоминании о вчерашнем и чувствуя, что теперь не одна. Муж, как всегда, занимал себя чтивом, но её ждало живое существо, за

которое она несла отныне ответственность. Она нехотя натянула халат и пошла на кухню за едой. Собака появилась, как только почувствовала запах пищи в миске, торжественно вносимой в комнату. Она уже не казалась такой дикой, как при первой встрече и довольно завияла хвостом. Луиза Владимировна уселась в своё любимое кресло, которое принимало форму любого тела и напоминало издали спальный мешок, и, расслабившись, стала ждать, пока пес насытится. Она наблюдала за животным, всё больше погружаясь в себя, пока откуда-то из глубины не услышала: а что если не бороться с болезнью, а приручить её? Она протянула к собаке руку:

— Полежишь у моих ног? — Та недоверчиво остановилась, как будто раздумывая.

— Не бойся. Я не буду тебя прямо сейчас дрессировать. Встать-лечь — это не самое главное, чему я могу тебя обучить. Я просто хочу тебя приласкать. Ну же...

Собака нерешительно улеглась у её ног, и она запустила руку в густую шерсть, чувствуя тепло неприрученного к ласке существа.

— Не волнуйся, я никогда не буду с тобой строгой, — пообещала она. — Я буду терпеливой и доброй. Но ты всё-таки постарайся. От тебя тоже многое зависит. Дрессировка, конечно, всё равно нужна, чтобы ты не направил свою силу во вред другим, а значит — себе. А теперь пододвинься ко мне. Ещё. Не бойся... Вот так. Хоро-о-ший, хоро-о-ший, — приговаривала она, растягивая слова, пока собака прикрыв глаза, блаженно затаилась, боясь пошевелиться.

— Прости меня, прости, что столько лет я не обращала на тебя внимания, загоняя в пыльный угол, игнорируя твою красоту и силу. А ведь ты мог защищать меня без этого дурацкого ошейника. Обещаю: я буду отныне внимательна к твоим нуждам. Я буду тебя кормить и выгуливать, ухаживать и ласкать. Я — твоя хозяйка. Я — хозяйка своей силы.

На последних словах, прозвучавших гораздо тверже предыдущих, она поднялась, расправив плечи, и собака подскочила на лапы вслед за ней, немного испугавшись внезапной перемене настроения. Но она по-прежнему ласково смотрела ей в глаза.

— Стань напротив меня. Стань во весь свой рост. — Её голос звучал непривычно уверенно для неё самой.

— Стань, как стою я. Если тебе тяжело, положи свои лапы мне на плечи.

Зверь неохотно приподнялся на задние лапы и тут же повалился передними на плечи стоящей напротив. Женщина немного пошатнулась — собака оказалась выше её роста — но выдержала тяжесть, не сдвинувшись с места. В этой позе он почти обнял её, ощерив пасть не то в улыбке, не то от напряжения — и её обдало тяжелым запахом его дыхания. Она не отвернулась, чувствуя его плоть, его силу и обняла его навстречу.

Вот ты и со мной, часть моей души, загнанная и неухоженная, изнуренная голодом и понуканиями. Отныне я не боюсь, но люблю и признаю свою силу, а также забочусь о ней. Отныне я буду сильнее с тобой внутри, и ты сможешь меня защищать. Отныне я и мой Зверь едины.

Пока силуэт напротив растворяется в ней, где-то на задворках её памяти проносится привычный образ прогуливающегося со своим хозяином пса, но она тут же стирает эту картинку, заполняя её играющей со своим хозяином здоровой собакой. Она ещё не видит, каким именно способом выберется из угла своих ограничений, окончательно сбросив надоевший ошейник, но уже твердо знает, что больше никогда не встретит слепую собаку на поводке.

ЗЕРКАЛО

Она появилась на пороге в один из тех вечеров, когда густые сумерки скрывают тусклые силуэты и произнесла:

— Представляешь, я осталась без ночлега, — и тут же обрела плоть.

— Проходи, — ответила та, которая открыла двери.

Через несколько дней, ещё не успев выйти, она снова вернулась, облаченная в старое пальто, которое много лет одиноко висело в коридоре.

— Посмотри, как оно мне идет! — в её глазах ютилась надежда.

— Да, — ответила та, которой оно принадлежало, и навсегда отказалась от старых вещей.

Потом она перестала уходить и осталась жить в доме той, которая однажды встретила её на пороге.

— У тебя очень хорошо спится, — объяснила она.

— Да, — ответила та, которая всегда открывала двери, и поняла, что они исчезли.

Вечерами они сидели на кухне, пили зелёный чай и подолгу смотрели друг на друга.

— А, правда, мы чем-то похожи? — спрашивала пришелица.

— Да, — отвечала та, что раньше смотрела только в зеркала.

Однажды та, что жила здесь раньше, захлопнула за собой двери, чтобы больше никогда их не открывать.

— Ты уходишь из-за меня? — спросила на пороге та, что когда-то пришла.

— Нет, я просто хочу выйти из старой роли и, как ты, войти куда-то.

Она вернулась через несколько лет:

— Извини, но мне больше негде жить, — призналась она, глядя в прозрачные глаза напротив.

— Да, — ответила та, которая жила вместо неё — и исчезла.

ОТРЫВОК

Сентябрь. Постепенное похолодание, сначала — внутри, потом во вне — из человеческих связей в природные. ... Как будто это заразно — холодок отношений. Мой единственный друг, Этери, я чувствую, как ты медленно оставляешь меня, как твоя эмоция, всегда столь яркая, хотя и неровная, медленно затухает. Ещё тлеют редкие звонки, но они раздаются, скорее, со стороны вежливости, равнодушным жестом кивающей в сторону провинившегося собеседника, с которым моё лицо сливается с каждым днем всё сильнее.

Время ошибок. Время неловких шагов и движений. Время смещения языков и понятий. Ты произносишь прямые и однозначные слова, но по дороге к визави они неожиданно совершают кривую в воздухе и плавно приземляются рядом с недоуменным слухом, изменив свои очертания. Друг сначала всматривается пристально, потом пожимает плечами, не веря своим глазам, потом — быстро отворачивается, так чтобы визави не заподозрил обиду.

Время двусмыслиц, дуальных мирков с кривыми зеркалами, кривоногих маленьких Янусов, важно шествующих с видом наделенных истиной. Маленькие истины шагают в ряд, образуя стройные колонны теорий, организуют парады и манифестации, забастовки и акции протестов. Два существа сидят по обе стороны арены. Им не интересны вражды и дружбы разноцветных солдатиков убеждений, марширующих под ними. Им хочется только одного — поймать знакомую искру понимания в глазах напротив и согреться короткой вспышкой встречи.

Ещё состоится эта встреча перед окончательной потерей. Ещё будут общие истории и молчание, связующее крепче слов. Ещё будет жертва, которую ты принесешь, произнося *я беру на себя твою смерть*, и на следующий день в больничной палате я вернусь к жизни, не веря тому, что произошло со мной накануне.

А пока два существа смотрят сквозь поле, разделяющее их, пытаясь дотянуться друг до друга краешком взгляда. Им холодно в сентябрьском купе.